

Длинный И Тянь неоднократно наблюдал за этим медальоном из персикового дерева, только смутно чувствуя, что он и он, как будто они имели какую-то связь, как бы симбиотические отношения.

Если это не то, что Ян Цзымэй мог бы вырезать, но имел тысячелетнюю историю, то это должно быть тесно связано с его собственной семьей.

Глядя на его вдумчивый взгляд, Ян Цзымэй продолжил: "Я также видел табличку из красного дерева, похожую на эту, но узор Немного по-другому".

"Что изменилось?" Лонг И Тянь спрашивал.

Ян Цзымэй взял ручку и бумагу и нарисовал по памяти узор деревянной мемориальной доски Мин Юлиня.

"Это также мотив нашей семьи, но он представляет другой смысл."

"Что изменилось?"

"Этот... символический мотив домовладельца, а этот - охранника."

"Домовладелец?" Ян Цзымэй посмотрел на деревянную табличку на шее и улыбнулся: "Ты ведь должен быть главой своей семьи, да? Разве это не было бы нечестно с моей стороны дать тебе это?"

Лонг И Тянь снова замолчал, его черно-синие ученики задавались вопросом, о чем он думал.

Этот человек, какая у него была семья?

Трудно было спросить, не расскажет ли он ей, так же, как она никогда не расскажет ему тайну своего возрождения и свои небесные глаза сейчас.

"Иди спать".

Его молчание заставляло его чувствовать себя немного унылым, поэтому он также зевнул, чувствуя усталость, и лечь в **, потянув за лист, чтобы покрыть себя.

Лонг И Тянь посмотрел на нее, а также выпустил карту из красного дерева, лежащую рядом с ней, положив голову над его рукой.

Ян Цзымэй не отказался.....

Просто, будучи физически близко, мысленно она чувствовала себя так далеко, что она не знала, кто он такой, и он не понимал ее.

Его спящий голос был первым....

С его низким храпом она постепенно засыпала....

Во сне, внезапно почувствовал, как будто я рядом с камином, горячие, открытые глаза, происходят их стороны дракона, чтобы изменить камин.....

Она протянула руку, чтобы дотронуться до его лба, было так жарко, что, наверное, было сорок градусов.

"Эй, что с тобой?"

Она протянула руку, чтобы толкнуть его и прошептала.

Он не ответил, просто слегка болезненный стон, сбежавший из угла его губ.

Сначала она поспешила встать и включить свет!

В то же время его лицо было слегка искажено от боли, губы были слегка разделены, и он тяжело дышил, как будто ему было очень неудобно.

Она поспешно взяла его за запястье и прощупывала пульс.

Его пульс был очень грязным, иногда сильным, как будто бьёт барабан, иногда как тысяча лошадей....

Как он так пульсировал?

Она снова протянула руку, чтобы прикоснуться к его сердцу...

Это сердце тоже бьется очень сильно!

Ее глаза упали на персиковую палубу, только для того, чтобы увидеть, как она снова становится оранжево-красной, индикаторная лампочка мигала так ярко, что ее глаза жалили.

Знак персикового дерева заставил его сойти с рельс?

Она поспешила протянуть руку, чтобы попытаться развязать знак персикового дерева, который знал, что как только ее рука коснулась его, вещь была горячей, как сто градусов, ошпарив ее руку, и сразу же поднял большой волдырь.

Это действительно было проблемой.

Она протянула руку, чтобы развязать веревку, осторожно подняла знак персикового дерева от его тела.

Как только палуба из персикового дерева покинула его кузов, весь свет сразу исчез, возвращаясь к своему первоначальному темному и скучному виду.

[Эта гроза может быть поднята только сейчас...]